

спешит к чему-то более важному, словно опасается не успеть довершить своего сочинения. И вот автор со слов «самовидцев» рассказывает о новом чуде — это рассмотренный нами выше рассказ об освобождении узников, заключенных без вины якобы Святополком. Подробность и объем этого рассказа, а также его острый тревожный строй являют резкий контраст с последним чудом о слепом и «летописной» записью. В то же время самые пропорции рассказов об исцелениях и степень интереса к ним показывают, что стремится подчеркнуть автор, что нужно для его замысла. Обычные исцеления его не интересуют, он почти не переделывает их. Но всюду, где разворачивается острая социально-политическая ситуация, он глубоко перерабатывает форму и содержание рассказа «Чтения».

Чудо с узниками по существу завершает собственно «Сказание о чудесах». Как убеждают изложенные выше наблюдения, весь цикл рассказов о чудесах связан в единое целое как по своей идейно-политической направленности, так и по стилю изложения. Далее следует заключительная часть «Сказания», не содержащая ничего чудесного, — о достройке каменного храма-мавзолея в Вышгороде и последнем перенесении мощей.⁹⁷ Этот текст совершенно самостоятелен, не зависит от каких-либо более ранних источников и проникнут откровенно выраженной политической тенденцией. Он тесно связан с замыслом чуда об узниках. Там на имя Святополка брошена тень: его неправый суд вызвал гнев Бориса и Глеба, святые князья обратились против него, освободив заточенных по клевете узников. После их освобождения Святополк якобы решил строить новый каменный храм в Вышгороде, оставив недостроенным рухнувшее здание постройки Святослава и Всеволода. Он якобы боялся «дързнуть» переносить гробницы и мыслил построить храм «окръст» деревянной церкви Изяслава, где покоились останки святых князей. Однако, замечает автор, «сему же умышлению не събывъшюся по божию строению и по воле святою мученику», — они, следовательно, против Святополка и отвергают его служение их памяти. И тут же рядом со Святополком встает светлый идеализированный образ Мономаха как особо ревностного почитателя Бориса и Глеба. Он заслуживает всяческих похвал за его «благородство же, въкупъ и великоумье, и любовь, еже къ святымъ, кротость же и съмерение и тыщание к богу и къ святымъ църквямъ». Он не только заслужил похвалу от бога и святых Бориса и Глеба, но и «от человекъ благословение и похвалу отъ всѣхъ видящихъ и слышащихъ».

В условиях ожесточенной борьбы княжеских династий за господство в феодальной Руси, за расширение возможностей эксплуатации сельского и городского люда, роль религиозной идеологии, божественной санкции княжеских притязаний необычайно возрастала. Последние страницы «Сказания» и рисуют соперничество феодалов в доказательстве монопольного права обладания вышгородскими реликвиями.

Рассказ начинается с приподнятого и красочного панегирика Момаху за его старания украсить гробницы святых князей. Автор как бы не может утерпеть и, опережая ход излагаемых событий, сразу сообщает о всем сделанном благоверным, великоумным, благородным и смиренным князем. Оказывается, Мономах тайком, ночью смерил гробницы святых князей и также ночью оковал их золотыми и серебряными досками, вызвав радостное изумление и похвалы людей. А после перенесения мощей в новый каменный храм, он «и множайша съдела», соорудив над гробницами великолепный драгоценный терем-киворий (о том, что это был терем, мы знаем из Повести временных лет) с серебряно-вызолоченными

⁹⁷ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 63—66.